

„Не было ни гроша, да вдруг алтын“

18.11.91. Ж

Комедия Островского «Не было ни гроша, да вдруг алтын» была написана в 1872 году, но действие ее, как гласит авторская ремарка, «присоходит лет 30 назад». В той же ремарке обозначено и место действия — «на самом краю Москвы».

На сцене, декорация которой остается неизменной на протяжении всех пяти актов, три домовладения. В центре бакалейно-овощная лавка купца Истукария Лущыча Епишкина, который под этой благовидной вывеской ведет «опасную» торговлю «темным» товаром, а в свободное время измывается над женой и дочерью. Первая не без юмора называет себя «ученой женщиной» («я себе все ученые видела от супруга... Ты спроси только, чем я ни бита? И котергой бита, и поленом бита, и об печку бита, только печкой не бита»), а вторая — при телесной пышности — «радушною недостаточна и празготором не складна». «Полудурье», — так характеризует свою дочку мамаша, а отец трактует ее как «залежавшийся товар» и вместе с женой не чает сбить ее замуж, о чем томительно мечтает и сама великовозрастная красавица.

Рядом с лавкой купца Епишкина ютится ветхий домишко мещанки-вдовы Мигачевой, первой воспитанной в оболочке и матери великовозрастного, но тоже несовершенного разумом сына — блаженного простачка Елесея, умеющего только птиц ловить да рыбу удить и вечно напевающего «Чижика». А напротив в старом и мрачном каменном доме обитает, не менее старый и мрачный, отставной подъячий Крутицкий. Матерый взяточник в прошлом, а затем тайный ростовщик, этот отставной подъячий производит жуткое впечатление, как достойный собрат голожвейного Плюшкина. Типично так свои огромные богатства даже от собственной жены, которую он всю жизнь проморил голодом, этот замоскворецкий Гарпагон симулирует

нищенство и ходит постоянно в фантастически ветхой шинели, боясь с ней расстаться потому, что вся она выстегана... яркими пятнами.

Такова коллекция уродливых порождений «дореформенной» русской жизни, дополняемая колоритными фигурами квартального Тугрия Львовича Лютова и «мелкого стряпчего из мещан» Петровича. Симпатично из перечисленных персонажей вызывает лишь глупо-несчастливая жена ростовщика, да отчасти веселый пичелов Елесея, сквозь «простолю» которого проступают элементы подлинной человечности. Но эсть в пьесе и еще одна живая душа, судьба которой является движущей пружиной всей комедии, окрашивая ее в подлинно драматические тона. Это — племянница Крутицкого, Настя, вынужденная поселиться у него в доме после того, как ее, сироту, прогнала от себя богатая родственница, возненавидевшая Настю за то, что она оказалась красивее ее родных дочерей.

Сама по себе это — недалекая девушка, привыкшая к легкой и беззаботной жизни, но когда перенесена, из-за феноменальной ступости дяди, обозначаясь, как единственно возможная перспектива «спасения», участь одержанки богатого купца Разновесова. Настя переживает это трагически и самым искренним образом готова умереть. Благополучая для нее развязка приходит совсем неожиданно. Ростовщик Крутицкий потерял однажды часть содержимого своего заветного шинели и в отчаянии повесился. Тайна шинели была при этом обнаружена, и Настя, став богатой невестой, получает возможность выйти замуж за героя своего романа Баклушина. Пошел и Елесея, который, найдя потерянные ростовщиком деньги, оказался подходящим зятем для купца Епишкина.

Великий гуманист и оптимист, Островский любил иногда хорошие, благополучные концы. Но и Настя и Елесея

с их относительной положительностью — слишком заурядные люди, чтобы награждать их настоящим, большим счастьем, о котором, к тому же, они и понятия надлежащего не имеют. И вот драматург наделяет своих маленьких героев маленьким счастьем, соразмерным с их человеческими масштабами. Незыскательная и пустынькая Настя выходит замуж за своего Баклушина (который хотя и любил Настю, но согласился жениться на ней лишь тогда, когда она вдруг оказалась богатой невестой), а «блаженный» Елесея женится на придуриватой, но богатой Ларисе. Что и говорить, в обоих случаях счастье невелико, но и алтын — деньги, если прежде не было ни гроша. Отсюда и заглавие комедии, не лишнее лоббодушной и вместе с тем немного прустой иронии.

Свердловский театр юного зрителя (вторично гастролирующий в Чкалове) зарекомендовал себя удачными постановками современных пьес, — достаточно сослаться на прекрасную поставленную пьесу «Павел Морозов», которой открылись гастроли театра в этом сезоне. Не менее удачными следует признать и его постановки классических пьес, в частности пьес Островского. В прошлом сезоне хорошо была поставлена «Женитьба Бальзаминова, такую же оценку следует дать и поставленному на днях спектаклю «Не было ни гроша, да вдруг алтын» (постановка художественного руководителя К. Верезжого).

Пьеса поставлена без особых режиссерских затей и ухищрений, поставлена попросту, но хорошо. Типаж пьесы истолкован правильно и подан без протекторовых преувеличений, но ярко и сочно; колорит места и времени выдержан думело; великолепный текст Островского произносится превосходно (за вычетом немногих мелких погрешностей); идейно-смысловая акцентировка верная; темпы не затянута. В результате спектакль смотрится с большим интересом и его идейно-общественный смысл легко доходит до зрителя (в том числе и юного).

Как и в большинстве спектаклей театра, в действующем спектакле есть ансамбль, т. е. дружная согласованная и ровная игра большинства исполнителей. Но на некоторых из них

следует остановиться особо. Так, выделяются интересными рисунками своих ролей и красочностью игры Макалатюнас (Елесея) и Невоструева (Лариса). Вероятно, возможны и иные сценические воплощения этих ролей, но когда смотришь их игру, то кажется, что их воплощения единственно правильны и, так сказать, адекватны образам пьесы, — настолько убедительна игра названных артистов. Запоминаются Фанбулова (мещанка Мигачева) и Мишанова (купчиха Епишкина), создающие образы тоже достаточно убедительные и в меру гиперболизированные. Недостатком Мишановой можно считать лишь не вполне типичное московское произношение.

С большим проницанием и пониманием внутренней значительности своей роли играет Малаховская (жена Крутицкого). Она ведет свою роль так, что именно на ней держится общественно-идейная нагрузка пьесы, как тому и следует быть, именно в таком исполнении роль Анны Тихоновны придет надлежащую серьезность этой комедийной пьесе, подчеркивая заложенные в ней драматические моменты. Хорош и Лавров в роли купца Епишкина.

Прокаев (Крутицкий) играет очень добросовестно и старательно и видно, что роль свою он понимает правильно, но в сценической проекции ее нет надлежащей органичности, нет той убедительности, которая бывает при настоящим вживании в роль.

Решительное возражение вызывает Девя—Баклушин, который, вопреки самой фамилии персонажа, дает отнюдь не «совершеннейшего шалопая», а какого-то очень благовоспитанного резонера.

Некоторое недоумение вызывает исключение из пьесы сцены с появлением «солидной личности» — купца Разновесова. Думается, что эта купюра не оправдывается ни соображениями педагогического порядка, ни тем более соображениями экономии во времени, так как вся эта сцена удлинит бы время спектакля не больше, чем на пять минут, а между тем отсутствие ее несколько затемняет смысл той «опасности», которая угрожала Насте.

Н. ПРЯНИШНИКОВ.